

Винни-Багги - 1991 - 9 нояб. - с.

«Юношу... ревнивая дева бранила»

ВТОТ день, когда мы с фотокорреспондентом Михаилом Санкло «нагрянули» в класс народного артиста Азербайджанской Республики, профессора Азгосконсерватории имени Узеира Гаджибекова Мурсала Бадинова, здесь звучала музыка А. Даргомыжского: пронзительный романс «Юноша и дева» на слова А. С. Пушкина. Студентка первого курса Эльмира Мамедова, заметно волнуясь, старательно выпевала: «Дева тогда умолкла, сон его легкий лелея...», а Мурсал Тагиевич показывал начинающей вокалистке, как следует петь тот ли или иной пассаж этого шедевра камерной лирики.

Работая в консерватории с середины 70-х годов, тогда еще ведущий солист оперного театра Бадинов, которому, кстати, недавно исполнилось шестьдесят лет, воспитал целую плеяду интересных певцов. Среди них Али Алиев, солист театра песни имени Р. Бейбутова, Азер Гасанов, педагог музыкального училища имени А. Зейналлы, Вадим Тищенко с Украины и многие другие. Около десяти лет рядом с мастером трудится его неизменный коллега — концертмейстер Иветта Лыжкова, составившая с ним творчески крепко спаянный «педагогический дуэт».

А вообще-то Бадинов и сам известный певец в прошлом. Его творческий путь на сцене республиканского театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова отмечен воплощением на его сцене ряда удачно «извятных» центральных партий, как западноевропейского и русского, так и азербайджанского национального оперного репертуара. Это коварный и сластолюбивый начальник римской полиции барон Скарпи из «Тоски» Дж. Пуччини, блистательный и дерзкий тоreadор Эскамильо из «Кармен» Ж. Бизе, гордый и фа-

натичный эфиопский царь Амонасро в «Аиде» Дж. Верди, самоуверенный фанфарон, сержант Белькор в «Любовном напитке» Г. Доницетти. Далее следует назвать Евгения Онегина и князя Игоря из одноименных опер П. Чайковского и А. Бородина, обе баритоновые партии (Сильвио и Тонио) в «Паяцах» Р. Леонкавалло и, наконец, особо эффектно и захватывающе звучащая в интерпретации актера роле сумрачного и жестокого рыцаря — графа де Луна в «Трубадуре» Верди, ну и, конечно же, партии в «Кероглы», «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибекова, «Азад» Дж. Джангирова, «Севиль» Ф. Амирова... Ведь это — гигантский и кропотливый труд, полный талантливых наитий и озарений, а также непростых, порой мучительных, открытий, отнюдь не «лепка» просто дающихся образов. Подчас артиста захлестывал его мощный, яркий темперамент, а чаще образы рождались под контролем глубокого, ироничного интеллекта — в виде благогрозенных персонажей, опирающихся на освященные временем традиции. Справедливости ради следует отметить и оригинальные, сугубо «бадиновские» краски и оттенки, изобретенные именно его артистической индивидуальностью. Это обидевший севильский дворянин Дон Карлос в лирико-комической опере С. Прокофьева «Обручение в монастыре». И хотя это небольшая по объему партия, но, являясь одной из последних спетых Багировым, она отражает богатый опыт вокалиста, его искусство перевоплощения.

Вот, к примеру, скорбный и мстительный вольный «цыган» Алеко из одноименного произведения С. Рахманинова, или пожилой парижский аристократ Жорж Жермон из «Травиаты» Дж. Верди... Наконец, такой вот где-то любопытный и показательный для творчества Мурсала Тагиевича пример воплощения

полярно противоположных ролей в рамках одного сочинения: я имею в виду великосветского насмешника и повесу Томского и князя Елецкого, сдержанного, обладающего чувством собственного достоинства в «Пиковой даме» П. И. Чайковского.

...Мы урывками беседуем с Бадиновым. Звучат пленительные, скорбные пушкинские строчки, наизанные на волшебные мелодии Даргомыжского: «К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал...». Мурсал Тагиевич, прервав меня на полуслове, вновь что-то объясняет студентке, а я воспользовался случаем, чтобы побеседовать с его уже бывшей студенткой Еленой Джафаровой, заглянувшей по старой памяти в класс своего профессора.

— Понимаете, это очень-очень требовательный и одновременно добрый, мягкий человек. До сегодняшнего дня сохранил способность точно и образно показать своим голосом то, чего он хочет от своих подопечных. Мурсал Тагиевич прекрасно знает, как камерный, так и оперный репертуар, что позволяет ему легко переходить от шлифовки как мужских голосов, главным образом, таких, как и сам, баритонов, так и голосов в женских партиях. Это чрезвычайно важно.

Ну что ж, больше не станем отвлекать от работы Мурсала Бадинова. Откланявшись, мы ретировались. А нам, словно вдогонку неслись и неслись дивные звуки: «...И улыбалась ему, тихие слезы лия». Для певицы, надо думать, это были «слезы» творчества, а для профессора еще чуть-чуть... ностальгии.

Р. АХМЕДОВ.

На снимке: народный артист республики, профессор Азгосконсерватории имени Узеира Гаджибекова Мурсал Бадинов.

Фото М. Санкло.